

А.К.РОМАНОВ,
кандидат юридических наук.
Московская высшая школа
социальных и экономических наук

Задачи преобразования уголовно-правового сознания в условиях постсоветского пространства

В последнее время все больше и больше в центре общественного внимания оказываются вопросы борьбы с преступностью и с другими негативными формами отклоняющегося поведения. В основном развитие в этом направлении идет по привычному и "накатанному" пути: соответствующие "рабочие группы" (чаще всего сюда включаются представители "заинтересованных" правоохранительных ведомств) с привлечением научной общественности разрабатывают проекты соответствующих законопроектов, в которых находят отражение, в первую очередь, потребности "силовых" структур, стремящихся выполнить "социальный заказ". Затем, как правило, наиболее крупные из этих законопроектов проходят общественную экспертизу и попадают в очередь для того, чтобы быть возведенными в ранг законов России. При всем упрощении можно сказать, что эта схема достаточно

достоверно описывает "правосозидательный" процесс, и именно так в общем и целом происходит формирование источников уголовно-правовых норм в России. Судебный прецедент, существование которого в сегодняшней России связывается с созданием и функционированием Конституционного суда Российской Федерации, вряд ли можно рассматривать как вполне оформившийся и полноправный фактор правового развития в целом. Все это, конечно, не может не приводить к тому, что зачастую реализация законопроектных работ в области борьбы с преступностью оказывается недостаточно эффективной и не оправдывает тех надежд, которые возлагаются на новые законы.

Вместе с тем сегодня становится все более очевидным, что "новые" законы начинают свою жизнь и в силу обстоятельств вынуждены укореняться на фундаменте "старых", по существу, — на тоталитарных и архаичных по своему социальному и политическому значению основополагающих положениях уголовно-правовой доктрины. В силу этого текущие поправки к уже существующим и доставшимся в наследие от тоталитарного прошлого старым законодательным позициям в области борьбы с преступностью в ряде случаев оказываются в прямом противоречии с основополагающими уголовно-правовыми анахронизмами, которые продолжают направлять и саму практику борьбы с преступностью, и развитие общественного правосознания в этом направлении. Именно этими анахронизмами изобилует, например, действующий Уголовный кодекс России, его Общая часть. Не случайно в литературе отмечается, что "реформа уголовного права должна начаться с разработки и принятия концептуальных начал"¹.

С чего же следует начать движение в направлении действительного пересмотра концептуальных начал нового уголовно-правового "обустройства" постсоветского пространства? Прежде всего — с глубокого и принципиального пересмотра всех отправных положений уголовно-правовой доктрины в целом. Думается, что здесь отнюдь не следует замыкаться на советский период. Дело не в том, что "после октябрьского переворота уголовное право России, являясь политизированной отраслью права, отражающей постулаты официальной идеологии, находилось на службе государства, которым правила партийная олигархия"², хотя и это весьма важно для анализа положения дел. Однако, на наш взгляд, проблема вряд ли коренится лишь в том, что с установлением партийной диктатуры коммунистов превралось естественное правовое развитие в области

---

¹ Красиков Ю.А. Доктрина русского уголовного права истоки и тенденции развития // Современные тенденции развития уголовной политики и уголовного законодательства М, 1994 С 35

² Красиков Ю.А. Указ соч С 35

карательной политики государства Российского. Напротив, глубокая традиция, коренящаяся в самом правосознании народа и насчитывающая многие сотни лет, позволила правящей элите принимать какие угодно законы, определяющие по произволу, а не по воле народной, природу преступного, общественную опасность деяния, его противоправность и наказуемость. Важнейшая функция уголовного права — быть источником правовых норм, легализовать живущие в сознании общества представления о справедливом и несправедливом, о добре и зле — в ходе исторического процесса была подменена государственным "определением правил расправы с преступником". Иначе как объяснить "доверчивость" народа, в целом принявшего и поддержавшего борьбу с его "врагами", которую (в том числе средствами уголовно-правовой репрессии) государство вело, начиная с конца 20-х годов, а под разными иными лозунгами — вплоть до 50-х годов. По существу это была борьба с ценностями народа, с ценностями, принадлежавшими обществу. Уголовное право, по определению, призвано быть первым институтом, ограждающим общество от этой напасти. Однако этого не произошло.

Следует отметить, что официальная университетская уголовно-правовая теория, наверное, в силу ее преимущественно государственно-ведомственной ангажированности и инерции, еще не вышла на анализ концептуальных причин, в силу которых под флагом советского уголовного права оказалось возможным развернуть беспрецедентные в истории и мировой практике репрессии против собственного народа. Самое интересное, что современная уголовно-правовая теория здесь не видит никакой теоретической и правовой проблемы. Между тем уголовное право, которое по определению и по самой своей сути должно быть инструментом защиты общественных интересов и ценностей, оказалось эффективным инструментом нанесения невосполнимых утрат и потерь этому обществу. Более того, и в условиях постсоветского пространства с позиций права мы продолжаем пребывать в состоянии потенциально возможного повторения массовых уголовно-правовых репрессий. Ведь практически все отправные категории уголовного права, которыми мы пользуемся и по сей день, и, что очень важно, сама уголовно-правовая доктрина преступного — все это досталось нам в наследство от тоталитарного прошлого. Эти категории действовали и "работали" в условиях тоталитаризма, не имея ничего общего с правом как социальным феноменом! Где же гарантии, что и сегодня они не пребывают в состоянии полной правовой выхолащивания и не являются голым инструментом политики?

Анализ показывает, что доктрина преступного имеет сегодня такое же мыслительное и социально-психологическое содержание, как и 100 и 200 лет назад. Меняется лишь словесная оболочка, но не идеи, социальный опыт и правовые чувства, которые соотносятся

со словами и категориями уголовного закона. Взять, например, само понятие уголовного права, которое, к сожалению, в общественном сознании связывается не с ассоциативным рядом противоположенных величин, а преимущественно лишь с прагматическими элементами социального контроля со стороны государства. Иными словами, уголовное право воспринимается общественным правосознанием скорее как инструмент подавления, как орудие наведения порядка, как средство "борьбы" с преступниками, а не как пользующееся общественным доверием средство выяснения правомерного и справедливого применительно к области отклоняющегося и приносящего вред обществу поведения его членов.

Не менее архаично с позиций современного развития выглядит и понятие преступления с его "универсальным" признаком общественной опасности. Современный мировой опыт уголовно-правового регулирования общественных отношений свидетельствует о том, что в условиях плюралистичности интересов и множественности социальных конфликтов определение качества общественной опасности как неотъемлемой принадлежности преступления есть не что иное, как результат социального спора, а значит, — результат права, результат волеизъявления самого общества, которое осуществляется через цивилизованные средства саморегуляции его жизнедеятельности — представительные законодательные органы, суды. Архаичность уголовно-правовой доктрины в части определения понятия преступления выражается, в частности, в том, что преступное деяние рассматривается как общественно опасное, т.е. опасное для всех. Между тем как современные реалии преступности со всей очевидностью свидетельствуют о реальной "пользе" и выгодности преступного бизнеса для довольно больших групп общества. Вместе с тем действия, приносящие горе и вред большинству общества, так и не получают уголовно-правовую оценку, и именно потому, что этому препятствуют традиции уголовного правосознания. Фигура преступника как человека, противопоставляющего себя всему остальному "миру"—обществу, а потому воспринимаемого в уголовно-правовой доктрине как носитель преступного качества — "злой" преступной воли и сознания, в своей категоричности сегодня оказывается не более реальной, чем мифологические фигуры древних.

Не менее важно обратить внимание и на субъективный компонент преступного феномена. В традиционной уголовно-правовой доктрине он воплощается в институте вины. Вина составляет внутренний стержень преступления, его, так сказать, социально-психологическое своеобразие и качество. Скажем, одни и те же действия, например, повлекшие смерть другого человека, в зависимости от наличия или от отсутствия лишь этого внутреннего компонента, т.е. лишь в зависимости от тех мыслительных и

волевых процессов, которые происходили в мозгу у совершавшего эти действия человека, — могут представлять собой либо преступление (убийство) либо несчастный случай (непреступное причинение смерти). Этот внутренний компонент составляет, как видим, одно из решающих условий определения преступного качества в деянии, а следовательно, и признания за ним статуса преступления. Это важнейшее звено всей уголовно-правовой доктрины. На нем должен держаться концептуальный подход к формированию политики государства в области борьбы с преступностью. Что же представляет собой в уголовном праве вина сегодня? Анализ показывает, что это отклонение от нормы поведения, а норму поведения диктует не общество, а политические структуры через механизм государственного регулирования. Тем самым вина утратила свою социальную функцию фиксации в правосознании качества преступного в деянии. Виновность как бы предопределяется здесь противоправностью деяния. Однако на недопустимость подобного понимания вины в уголовном праве обращалось внимание еще русскими мыслителями "зарубежья". Например, И.А.Ильин отмечал: «Виновность человека определяется внутренним состоянием его души и духа, а не внешним деянием, фактическая наличность и уголовная предусмотренность которого дают лишь основание для начала предварительного следствия... "преступившая" воля совсем еще не есть тем самым "преступная" воля»¹. В этих словах русского философа отражена иная "концептуальная основа" преступного в уголовном праве, концепция, которая, к сожалению, во многом все еще продолжает оставаться неведомой ни нашему уголовному правосознанию, ни составителям законопроектов в области уголовного права, как об этом свидетельствует новое уголовное законодательство, принятое в 1996 г.